
ПОЕЗДКА ВЪ РИМЪ¹⁾.

VII. Папскіе приемы паломниковъ. Входные билеты на приемъ. Костюмъ для приема. Входъ зрителей чрезъ бронзовыя двери. Палата беатификацій—мѣсто приема. Обстановка палаты. Составъ ожидающей папу толпы. *Sedia gestatoria*. Появление папской процессіи. Личность Льва XIII. Молебствіе у алтаря палаты. Приемъ паломниковъ и ихъ подношенія. Обратная процессія.—Приемъ въ храмъ св. Петра. Продажа входныхъ билетовъ. Обстановка приема и личность папы на немъ. Настроеніе толпы при приемѣ. Общее впечатлѣніе католическаго благочестія.—Православная русская церковь въ Римѣ. Службы въ ней на страстной недѣлѣ и въ свѣтлый день. Пасхальный приемъ у посла А. И. Нелидова. Дѣло о постройкѣ въ Римѣ русскаго храма.—Фонтанъ ді Треві—заключеніе.

Если во впечатлѣніяхъ всякаго обыкновеннаго туриста считается большимъ пробѣломъ быть въ Римѣ и не видѣть папу, то, конечно, это ужъ совсѣмъ не позволительно для юбилейнаго паломника, который поклониться святому отцу и получить его благословеніе признаетъ для себя непрѣмнымъ священнымъ долгомъ и вѣнцомъ своего благочестиваго подвига. Отсюда одна изъ самыхъ главныхъ заботъ вождей паломническихъ партій состояла обыкновенно въ томъ, чтобы исходатайствовать для нихъ приемъ у папы. Во все время нашего пребыванія въ Римѣ престарѣлый и уже сильно одряхлѣвшій Левъ XIII, не смотря на исключительную важность великихъ дней страстной недѣли и пасхи, не совершалъ ни одного торжественнаго богослуженія ни въ Сикстинской капеллѣ, ни въ храмѣ св. Петра. Только для приема паломниковъ считалъ онъ необходимымъ напрягать послѣдніе остатки своихъ слабыхъ силъ, а потому только эти приемы и представляли собою единственный слу-

¹⁾ Окончаніе. См. Богосл. Вѣстн. Апрель.

чай, гдѣ можно было увидѣть главу римско-католической церкви въ величественной обстановкѣ всенароднаго ему поклоненія. Понятно, что мы съ дочерью всей душою стремились воспользоваться этимъ случаемъ при первой возможности, которая, благодаря любезному вниманію Н. В. Чарыкова, дѣйствительно и выпала намъ на долю въ первый день католической пасхи. Еще въ началѣ страстной недѣли, возвратившись однажды къ вечеру на свою квартиру, мы нашли у себя на столѣ присланные намъ билеты для входа на церемонію папскаго приѣма паломниковъ. Каждый изъ этихъ билетовъ представляетъ собою лиловаго цвѣта бумажку, размѣромъ въ 3×4 вершка, при чемъ только на лицевой сторонѣ ея помѣщается печатный текстъ въ четвероугольной узорчатой рамкѣ съ виньеткой наверху, изображающей обычный папскій гербъ, т. е. тройную тиару надъ двумя перекрещивающимися ключами. Самый текстъ билета буквально таковъ: „Папская приемная (Anticamera) въ Ватиканѣ.—Входный билетъ въ палату беатификацій для принятія благословенія Его Святѣйшества въ воскресный день 15-го апрѣля 1900 въ 11^{1/2} утра. — Палатный мэръ (Maestro di camera) Его Святѣйшества О. Каджiano de Аццедо.—Примѣчанія: 1) дамы по возможности въ черномъ платьѣ и съ вуалемъ на головѣ, 2) мужчины по возможности въ черной одеждѣ“.—Внизу билета значится: „Входъ чрезъ бронзовыя двери. — Билетъ личный. — Даромъ“—На лѣвомъ нижнемъ углу билета большая печать, въ центрѣ которой тотъ-же папскій гербъ, а кругомъ надпись: „Anticamera pontificia. Maestro di camera di Sua Santità“.—Объ условіяхъ относительно костюма при папскихъ приѣмахъ намъ уже приходилось читать и слышать заранѣе, а потому черное платье мы захватили на всякій случай съ собою еще при отъѣздѣ изъ Россіи. Оставалось только позаботиться о приобрѣтеніи вуала, что не представляло, конечно, ни малѣйшаго затрудненія, такъ какъ на окнахъ модныхъ магазиновъ Корсо мы много разъ видали объявленія: „voiles pour visiter le saint Père“. Купивъ себѣ экземпляръ этого, почему-то столь излюбленнаго папою украшенія, представляющаго собою длинный и широкій кружевной шарфъ, дочь моя въ назначенный день, при содѣйствіи квартирной хозяйки, устроила его надлежащимъ образомъ на своей го-

ловѣ и мы поѣхали въ ватиканъ. Было еще слишкомъ рано, чтобы сѣсть на папскій пріемъ, но такъ какъ это былъ первый день пасхи, то намъ хотѣлось заглянуть предварительно въ храмъ св. Петра, гдѣ торжественное богослуженіе долженъ былъ совершать кардиналъ Рамполла. Къ сожалѣнію, планъ нашъ оказался неосуществимымъ и, прежде чѣмъ появилась кардинальская процессія, намъ уже нужно было торопиться въ ватиканъ, чтобы, какъ гласитъ народная мудрость, не сѣсть между двухъ стульевъ и не очутиться въ положеніи человѣка, погнавшагося за двумя зайцами.

Правая половина массивныхъ бронзовыхъ дверей отворена настежь, а за лѣвой виднѣется въ наклонномъ положеніи распущенное папское знамя съ вытканными на немъ по ярко-желтому фону гербами. Тутъ-же въ дверяхъ стоятъ по обѣ стороны съ алебардами два швейцарскихъ гвардейца, красуясь своими блестящими латами, живописнымъ четырехцвѣтнымъ костюмомъ и пышными бѣлыми султанами металлическихъ касокъ. Дальній конецъ обширной галереи, примыкающей къ *scala regia*, уже гудитъ и волнуется народной толпой, которая сплошною массой покрываетъ и всю нижнюю часть лѣстницы. На высотѣ нѣсколькихъ десятковъ ступеней натискъ толпы сдерживается барьеромъ, а оставленный въ немъ посрединѣ узкій проходъ охраняютъ жандармы и два какихъ-то господина во фракахъ, источающіе всю силу своего краснорѣчія и весь имѣющійся у нихъ запасъ успокоительныхъ жестовъ, чтобы убѣдить напирющую публику къ порядку и терпѣнію. Сзади толпа все растетъ, непрерывно подновляемая новымъ притокомъ со стороны бронзовыхъ дверей, а впереди охранители узкаго прохода впускаютъ посѣтителей лишь не большими партіями въ нѣсколько десятковъ человѣкъ съ довольно продолжительными антрактами, давая такимъ образомъ возможность всей допущенной къ пріему массѣ постепенно расположиться и устроиться у конечной цѣли ея стремленій. Наблюдая эту нетерпѣливо волнующуюся толпу, я замѣтилъ одного господина въ сѣромъ лиджакѣ, яркимъ свѣтлымъ пятномъ выдѣлявшагося такимъ образомъ на ея однообразномъ темномъ фонѣ. Когда этому господину наступила очередь двигаться чрезъ проходъ барьера, охранители обна-

ружили явное намѣреніе задержать стремившагося на папское торжество не въ брачной одеждѣ; но онъ, очевидно, предвидѣлъ возможность такого покушенія и съ замѣчательною ловкостію, пригнувшись и проскользнувъ въ толпѣ подъ руками своихъ враговъ, бѣгомъ пустился далѣе, причемъ ревнители порядка уже не сочли нужнымъ его преслѣдовать. Дошелъ наконецъ чередъ и до насъ. Протѣснившись чрезъ проходъ вмѣстѣ съ десятками своихъ сосѣдей, мы, не отставая отъ нихъ, быстро промчались чрезъ нѣсколько поворотовъ лѣстницы, нѣсколько дверей и залъ, мимо нѣсколькихъ паръ швейцарцевъ, очутились наконецъ въ давно желанной палатѣ и опять вонзились въ ожидающую толпу съ единственною мыслию о томъ, чтобы занять здѣсь мѣсто, какъ можно болѣе удобное для созерцанія предстоящаго зрѣлища.

Палата беатификацій—это громадная, продолговатая, четверугольная зала, по обѣимъ продольнымъ сторонамъ которой тянется рядъ оконъ, при чемъ освѣщеніе падаетъ только съ лѣвой стороны отъ входа, такъ какъ всѣ окна правой стѣны сплошь завѣшаны тяжелыми драпировками. Когда на просторѣ, уже по окончаніи папскаго приѣма, можно было заглянуть въ окна палаты, оказалось, что она представляетъ собою не что иное, какъ верхній этажъ портика храма св. Петра, такъ что изъ оконъ ея лѣвой стороны открывается видъ на окруженную колоннадой площадь, а когда я приподнял драпировку одного изъ оконъ на право, предо мной развернулась неожиданная картина внутренней перспективы храма съ его величавыми столбами и статуями, высоко вздымающеюся стѣною папскаго алтаря, гирляндой огоньковъ по балюстрадаѣ „исповѣданія“ и блуждающими то тамъ то здѣсь богомольцами, которые казались какими-то почти букашками въ отдаленныхъ концахъ грандіознаго храма. Посредствѣ палаты, во всю ея длину, выгорожена барьеромъ широкая, устланная ковромъ дорога, по протяженію которой изрѣдка стоятъ другъ противъ друга швейцарцы, по шести на каждой сторонѣ. Дорога эта приводитъ къ поставленному у передней стѣны возвышенію въ нѣсколько ступеней, на вершинѣ котораго престоль съ обычными на немъ крестомъ, свѣчами и раскрытою книгой. На среднѣ алтарнаго возвышенія, прямо противъ престола стоитъ склад-

ное епископское сѣдалище, съ вызолоченными ножками и четырьмя херувимами по угламъ, покрытое бѣлою парчевою подушкой, а сбоку, у лѣвой боковой стороны престола— другое кресло, обычнаго гостинаго фасона, со спинкою и ручками, золоченое и обитое краснымъ бархатомъ. Все пространство палаты, по обѣ стороны устланной ковромъ и огражденной барьеромъ дороги, биткомъ набито тысячами народа, при чемъ ближайшія къ алтарю мѣста заняты тѣми паломниками, пріемъ которыхъ назначенъ на этотъ день, и лицами папскаго двора. Здѣсь толпится до сотни кроатскихъ студентовъ въ красивыхъ ярко-красныхъ суканяхъ, подпоясанныхъ длинными темно-малиновыми поясами; неменьшее количество паломниковъ изъ Штутгарда, съ профессоромъ, докторомъ Мюллеромъ во главѣ, и около шестидесяти паломниковъ африканскихъ, подъ предводительствомъ монсиъера Турнье, титулярнаго епископа Иппонскаго, и каноника Бомбара изъ кафедральнаго собора въ Тунисѣ. Большинство этихъ паломниковъ очевидно люди высшихъ классовъ общества, такъ какъ дамы одѣты въ шелкахъ и бархатахъ съ длинными трѣнами, а мужчины во фракахъ. Въ толпѣ паломниковъ Африки всеобщее вниманіе привлекаютъ къ себѣ интересныя фигуры двухъ молодыхъ негровъ съ ихъ блестящими черными физіономіями, ярко-бѣлыми зубами и живописно-пестрыми національными костюмами. Здѣсь-же виднѣются въ довольно значительномъ количествѣ черные патеры и фіолетовые прелаты, папскіе нобили и камергеры въ ихъ скромныхъ, но весьма изящныхъ костюмахъ обтянутые во все черное и въ черныхъ же короткихъ бархатныхъ камзолахъ и плащахъ, съ густыми бѣлыми жабо вокругъ шеи, наконецъ и офицеры дворянской гвардіи, такъ напоминающіе нашихъ кавалергардовъ. Все это шумитъ и волнуется, а мы, между тѣмъ, плотно стиснутые въ толпѣ своими, столь-же страдающими отъ тѣсноты, сосѣдями, волей-неволей слушаемъ ихъ то нѣмецкіе, то англійскіе разговоры и съ величайшимъ нетерпѣніемъ ежеминутно устремляемъ свои взоры назадъ, къ громадной входной аркѣ, въ которой, судя по направленію устланной ковромъ дороги, должна показаться процессія Его Святѣйшества. Въ двѣнадцать часовъ входная арка вдругъ во всю высоту свою задержнулась портьерой и тотчасъ-же глубокая тишина воцар-

рилась въ палатѣ. Давно ожидаемый моментъ, очевидно, приблизился.—Портьера задерживается въ данномъ случаѣ для того, чтобы собравшимся въ палатѣ зрителямъ не видно было тѣхъ приготовленій, которыя предшествуютъ торжественному появленію папы. Левъ XIII уже настолько старъ и слабъ, что безъ посторонней помощи не въ состояніи совершать переходы по громаднымъ аппаратамъ своего дворца, а потому обыкновенно чрезъ лѣстницы, корридоры и залы ватикана его носятъ на рукахъ особые носильщики, такъ называемые „sediarii“. Для обычныхъ торжественныхъ передвиженій употребляются небольшія носилки (portantina), нѣчто въ родѣ восточнаго паланкина, при чемъ утвержденное между двухъ палокъ кресло, на которомъ садится папа, несутъ два седиарія, одинъ впереди другой сзади, держа руки совершенно такъ, какъ это дѣлается при употребленіи обыкновенныхъ носилокъ на работахъ. Такъ какъ палата беатификацій отстоитъ очень далеко отъ жилыхъ комнатъ папы, то и въ настоящемъ случаѣ его донесли на маленькихъ носилкахъ до самаго входа въ палату, гдѣ его ожидали всѣ участники предстоящей процессіи и толпа седиаріевъ съ другими, гораздо большаго размѣра носилками, такъ называемыми „sedia gestatoria“, употребляющимися лишь въ торжественныхъ церемоніяхъ. Кресло „sedia“ устроено не между палками, какъ у „portantina“, а поверхъ ихъ, при чемъ и самыя палки несутся не въ опущенныхъ рукахъ, а кладутся на плечи седиаріевъ, такъ что при движеніи процессіи вся фигура папы возвышается надъ толпою и видна отовсюду съ головы до ногъ. Самое кресло носилокъ съ высокими ручками и спинкой обито краснымъ бархатомъ и богато разукрашено позолотой съ рѣзными вызолоченными гербами, возвышающимися по обоимъ краямъ спинки, и съ большимъ разноцвѣтнымъ гербомъ назади ея. Седиаріи одѣты въ короткихъ кафтанахъ съ заправленными въ чулки панталонами изъ плотной шелковой матеріи, темно-малиноваго цвѣта, съ вытканными по ней крупными цвѣтами. Свое дѣло исполняютъ они съ замѣчательнымъ искусствомъ. Двигаясь по четыре человѣка на каждой сторонѣ они, совершенно одинаковые по росту, выступаютъ такъ мѣрно и плавно, что папа на своемъ креслѣ не шелохнется ни въ какую сторону, какъ будто на коле-

сахъ катится по твердому полу. Еще болѣе искусства и ловкости проявляютъ они въ тѣ минуты, когда носилки вмѣстѣ съ папою дужно опустить на полъ, или поднять къ себѣ на плечи. Цѣлымъ рядомъ привычныхъ, дружныхъ и изящныхъ движеній они продѣлываютъ всю эту процедуру такъ ловко, что величественная фигура старца и поднимается и опускается на глазахъ зрителей замѣчательно плавно и красиво.

Было семь минутъ перваго, когда распахнулась портьера арки и взору зрителей предстала во всей своей красѣ блестящая бѣлая фигура папы, высоко царящая надъ головами многотысячной толпы. Оглушительный взрывъ аплодисментовъ и криковъ „evviva“! и „ура“! встрѣтилъ папское появленіе, при чемъ публика простирала вверхъ руки и махала шляпами, шарфами и платками. Это бурное выраженіе восторга продолжалось во все время, пока процессія подвигалась къ алтарю, то нѣсколько ослабѣвая, то снова усиливаясь, то на той, то на другой сторонѣ, смотря по тому, куда обращался самъ виновникъ овацій. Сопровождавшая папу процессія не отличалась на этотъ разъ ни многолюдствомъ, ни особеннымъ блескомъ. Впереди, блестя вызолоченными касками, попарно шли десять дворянъ-гвардейцевъ, а сзади—восемь разноцвѣтныхъ швейцарцевъ съ колыхающимися бѣлыми султанами на киверахъ. Подлѣ самыхъ носилокъ шествовало нѣсколько фіолетовыхъ прелатовъ и папскихъ нобилей, чѣмъ и ограничивался весь составъ процессіи. Не было даже тѣхъ знаменитыхъ, изъ павлиньихъ перьевъ громадныхъ опахалъ, которыя при торжественныхъ церемоніяхъ обыкновенно носятъ по обѣ стороны папы. Ничто такимъ образомъ не развлекало вниманія зрителей и не препятствовало ему всецѣло сосредоточиться на личности того, кто для всѣхъ, конечно, былъ предметомъ наивысшаго интереса.—Блѣдный, какъ мраморная статуя, и, что называется, безъ кровинки въ лицѣ, исхудалый настолько, что остались у него, кажется, только кости да кожа, великій старецъ производитъ своей внѣшностію впечатлѣніе чего-то, до такой степени слабого и хрупкаго, что какъ-то невольно боишься, что вотъ сейчасъ, у тебя на глазахъ, раздастся послѣдній вздохъ и духъ покинетъ изможденное тѣло. Но духъ этотъ, очевидно, могу-

чій; онъ ярко свѣтитъ въ энергичномъ, пронизательномъ взорѣ какъ искры блестящихъ глазъ, ласковой, любящей улыбкой неудержимо сквозитъ черезъ тонкія, сжатія губы и какимъ-то тепломъ проникаетъ къ тебѣ прямо въ сердце. Не безъ нѣкотораго предубѣжденія смотрѣлъ я на папу. Не нравилась мнѣ вся эта горделивая обстановка приѣма,—это крайнее превозношеніе человѣка, сидящаго выше людей и даже на людяхъ, — это восторженное поклоненіе раболѣпствующей толпы, доходящее до какого-то идолослуженія. Но, даже и при такомъ настроеніи, самая личность старца производила на меня необыкновенно-пріятное, свѣтлое, чарующее впечатлѣніе; съ сладкимъ замираніемъ сердца я впился въ него глазами и, самъ не знаю почему, смотрѣлъ на него съ любовью, съ благоговѣніемъ. Старецъ весь былъ совершенно бѣлый. Поверхъ длиннаго бѣлаго хитона, на немъ надѣтъ былъ кружевной „рокетъ“, нѣчто въ родѣ стихаря, спускающагося немного ниже колѣнъ, съ длинными узкими рукавами; съ плечъ ниспадала до пояса широкая бѣлая шелковая пелерина съ каймою золотого шитья по краямъ, а черезъ шею перекинута бѣлая-же парчевая, шитая золотомъ „стола“, соответствующая нашей эпитрахили и висящая на передъ двумя длинными полосами, концы которыхъ украшены бахромою. На головѣ старца была маленькая бѣлая скуфейка, окаймленная полукругомъ выбивающихся изъ подъ нея пышныхъ сѣдыхъ кудрей, на ногахъ—бѣлыя, шитыя золотомъ, туфли, а руки въ бѣлыхъ-же вязанныхъ митѣнкахъ, при чемъ на одномъ изъ обнаженныхъ пальцевъ десницы сіялъ громадный перстень, быть можетъ тотъ самый, который служитъ печатью для папскихъ бреве и на которомъ изображенъ Св. Ап. Петръ, сидящій въ лодкѣ и бросающій сѣти, почему и перстень этотъ носитъ наименованіе „anulus piscatoris“.—Подъ оглушительный шумъ привѣтствій медленно двигалась процессія, а папа съ ласковымъ взглядомъ и милой улыбкой обращался то на ту, то на другую сторону и нѣсколько разъ привставалъ на своемъ креслѣ, опираясь на него лѣвой рукой, а правую поднимая вверхъ и простирая надъ толпою. Повидимому, онъ благословлялъ народъ; но если такъ, то, очевидно, совсѣмъ не по нашему. Крестнаго знаменія онъ не дѣлалъ и пальцы его благословляющей руки не представляли собою

никакого перстосложенія, но просто торчали вверхъ какимъ-то букетомъ, такъ что въ общемъ получалось впечатлѣніе не благословенія, а скорѣе какъ будто простаго привѣтственнаго жеста отъ папы къ народу. Когда процессія подошла къ алтарю, носилки опустились и папа, поддерживаемый прелатами, сошелъ съ „sedia“ и поднялся вверхъ по ступенямъ. Здѣсь онъ сталъ на колѣна предъ поставленнымъ на срединѣ епископскимъ сѣдалищемъ (faldistorium), положилъ руки на его парчевую подушку и молитвенно склонилъ на нихъ голову. Монсиньеръ Пиффери изъ ордена Августинцевъ, титулярный епископъ Порфирскій, духовникъ папы и префектъ папскихъ чертоговъ, началъ краткое молебствіе. Пѣлъ хоръ кроатскихъ студентовъ, а также Августинскіе монахи и клирики папской свиты. Сперва исполнена была пѣснь Захаріи „Benedictus Dominus Deus Israël“ (Лук. I, 68), а затѣмъ слѣдовала литанія съ молитвенными призываніями Господа, Пресвятой Троицы, Богоматери, Силъ безплотныхъ и Святыхъ, при чемъ возгласы произносилъ епископъ, а слѣдовавшіе за каждымъ изъ нихъ отвѣты „miserere nobis“, „ora pro nobis“, „lebera nos Domine“, „te rogamus audi nos“ и др. пѣла вся масса присутствовавшихъ. Папа все время стоялъ на колѣнахъ со склоненною надъ подушкой головою. Когда замерли послѣдніе аккорды литаніи, раздался громкій призывъ: „oramus“, многотысячная толпа мгновенно стихла и, затанувъ дыханіе, вся превратилась въ слухъ. Среди воцарившейся мертвой тишины послышались наконецъ звуки нѣсколько дрожащаго, но густаго и сильнаго голоса: то самъ святой отецъ произносилъ слова краткой молитвы. И вдругъ..... оглушительный громъ апплодисментовъ былъ на эту молитву отвѣтомъ! Признаюсь, этотъ совершенно неожиданный порывъ привелъ меня въ величайшее изумленіе, чтобы не сказать еще гораздо больше. Я не стану отрицать того, что онъ былъ, быть можетъ, самымъ искреннимъ обнаруженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя переполняли сердца вѣрующихъ католиковъ. Несомнѣнно также и то, что люди юга гораздо болѣе насъ рѣзки и шумны въ проявленіи своихъ настроеній; но, при всемъ томъ, вносить апплодисменты даже въ средину богослуженія кажется мнѣ по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ. Какъ будто папа въ настоящемъ случаѣ является какимъ нибудь артистомъ на

сценѣ, который прекрасно исполнилъ свой номеръ и тотчасъ-же получилъ шумное выраженіе одобренія отъ своихъ восторженныхъ слушателей. Не доставало только криковъ „bis!“, чтобы уже совсѣмъ почувствовать себя въ театрѣ.— При пѣннн хора папа затѣмъ поднялся съ колѣнъ и подошелъ къ престолу. Здѣсь онъ, чередуясь съ общимъ хоромъ всѣхъ присутствовавшихъ, пропѣлъ нѣсколько возгласовъ, послѣ чего сталъ лицомъ къ народу и громко произнесъ формулу благословенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, обращаясь при этомъ на три стороны и простирая впередъ свою правую руку, на что народъ отвѣчалъ ему пѣніемъ „amen!“—Слабость древняго старца была при этомъ весьма замѣтна. Обращаясь лицомъ къ народу, онъ, очевидно, самъ не надѣялся на свои силы и лѣвою рукою все время держался за престоль, а возглашая слова благословенія какъ-то неестественно весь вытягивался вверхъ, какъ будто извлеченіе звуковъ изъ собственной груди стоило ему значительнаго напряженія. — Все молебствіе продолжалось восемнадцать минутъ. Затѣмъ, приготовленное въ сторонѣ красное бархатное кресло было поставлено на срединѣ возвышенія, спинкою прямо къ престолу; папа сѣлъ на это кресло, лицомъ къ народу; прелаты и нобили стали по обѣ стороны, также обратясь спиною къ престолу, и начался пріемъ паломниковъ. Лица духовныя и студенты, дамы и кавалеры, поочередно допускались съ лѣвой стороны возвышенія, при чемъ каждый паломникъ, поднявшись по ступенямъ до папскаго кресла, становился предъ нимъ на колѣна. Каждый подходившій цѣловалъ у папы руку, лежавшую на его колѣнѣ, а многимъ святой отецъ оказывалъ нѣкоторые особенные знаки своего вниманія. Однихъ онъ благословлялъ, другимъ возлагалъ свою руку на голову, съ нѣкоторыми бесѣдовалъ, иногда даже минуты по двѣ. Какъ ни напрягалъ я свое зрѣніе, какъ ни старался тщательно слѣдить за каждымъ паломникомъ, преклонявшимся предъ папою, ни разу не пришлось мнѣ увидѣть, чтобы хотя одинъ изъ нихъ поцѣловалъ папскую туфлю. Очевидно, этотъ пресловутый стародавній обычай въ настоящее время, какъ анахронизмъ, уже выходитъ изъ употребленія, тѣмъ болѣе въ отношеніи къ представителямъ высшихъ и интеллигентныхъ классовъ общества, какими были

паломники назначеннаго на этотъ разъ приѣма. Многіе изъ представлявшихся подносили папѣ свои приношенія или отъ себя лично, или въ качествѣ представителей отъ какихъ-либо ассоціацій. Тутъ были и пакеты, и свертки, и шкатулки, и футляры и пр. и все это встрѣчалось любезною улыбкой и тотчасъ-же принималось стоящими подлѣ папы прелатами и нобиями. Въ числѣ паломниковъ этого приѣма было нѣсколько знатныхъ иностранныхъ аристократовъ и, между ними, графъ Штольбергъ и графъ Тунъ, ех-президентъ австрійскаго совѣта министровъ. Приѣмъ продолжался двадцать минутъ и во все это время хоръ исполнялъ какой-то веселый, совсѣмъ плясовой, мотивъ, весьма напоминающій извѣстный хоръ изъ оперы „Садко“: „Высота, высота поднебесная“.—По окончаніи приѣма, папа снова вступилъ на „sedia“, снова раздалися аплодисменты и клики, замахали платки и шляпы; плавно поднялась бѣлая, блестящая фигура старца и величественно поплыла надъ головами многотысячной толпы, съ тою-же милой улыбкой и съ тѣмъ-же своеобразнымъ привѣтственнымъ жестомъ простертой руки приподнимаясь то вправо, то влѣво, пока не скрыла ее отъ восторженныхъ взоровъ задернувшаяся портьера арки. Все окончилось безъ десяти минутъ въ часъ.

Двѣнадцать дней спустя, а именно въ пятницу ^{14/27} апрѣля, совершенно случайно и неожиданно пришлось намъ еще разъ побывать на папскомъ приѣмѣ паломниковъ. Собираясь уже совсѣмъ выѣзжать изъ Рима, мы съ дочерью, утромъ этого дня, отправились сдѣлать нѣкоторыя послѣднія покупки. На площади колоннады намъ невольно бросилось въ глаза какое-то особенное оживленіе. Предъ портикомъ храма стояла цѣпь жандармовъ, а чрезъ нее почти непрерывною вереницей спѣшили къ главному входу народъ, предъявляя при этомъ свои входные, паломническіе, зеленаго цвѣта, билеты. Заинтересованные прѣсходящимъ, мы обратились къ какому-то, толкавшемуся тутъ, господину въ пиджачкѣ и съ котелкомъ на головѣ, прося его, если можно, сообщить намъ, что такое совершается въ храмѣ Св. Петра. Котелокъ, какъ оказалось, свободно объяснялся по французски и, конечно, тотчасъ-же видя въ насъ иностранцевъ, любезно разъяснилъ намъ, что въ храмѣ, въ половинѣ двѣнадцатаго, будетъ торжественный выходъ папы

для приѣма паломниковъ. Мало того, — обязательный господинъ сталъ насъ убѣждать, чтобы мы не пропускали удобнаго случая полюбоваться на интересную церемонію, а что касается входныхъ билетовъ, то онъ можетъ снабдить насъ ими немедленно. На мое замѣчаніе, что мы уже присутствовали на такомъ-же приѣмѣ въ палатѣ беатификаціи, котелокъ сталъ увѣрять меня, что въ храмѣ Св. Петра церемонія происходитъ много торжественнѣе и имѣетъ гораздо болѣе внушительный видъ, а потому и въ другой разъ посмотрѣть ее не мѣшаетъ. Его увѣренія возымѣли свое дѣйствіе и намъ дѣйствительно захотѣлось взглянуть еще разъ на знаменитаго старца, особенно въ величественной обстановкѣ грандіознаго храма, чтобы такимъ образомъ унести изъ Рима впечатлѣніе папы въ его главномъ соборѣ и у того алтаря, на которомъ никто кромѣ него священнодѣйствовать не можетъ. Однако на нашъ взглядъ возникло нѣкоторое весьма серьезное препятствіе: мы съ дочерью были одѣты уже по дорожному, — я въ синей тужуркѣ, а она — въ ярко-красной кофточкѣ. Припоминая обстановку перваго приѣма, мы находили свой костюмъ совершенно непозволительнымъ и совсѣмъ не желали становиться въ непріятное положеніе того сѣраго пиджака, котораго на нашихъ глазахъ ловили тогда охранители прохода. Нашъ случайный и не безкорыстный покровитель постарался однако успокоить насъ и въ этомъ отношеніи. Онъ началъ съ толкованія текста входныхъ билетовъ, резонно указывая намъ, что относительно черной одежды тамъ говорится только „possibilmente“, т. е. „по возможности“, а не „непремѣнно“. Затѣмъ онъ разъяснялъ, что требованіе это со строгостію примѣняется лишь на менѣе многолюдныхъ приѣмахъ; въ храмѣ-же, куда собираются даже десятки тысячъ, оно само собою теряетъ силу. Наконецъ, онъ совсѣмъ побѣдиль наши сомнѣнія своимъ послѣднимъ, самымъ нагляднымъ, аргументомъ. Онъ предложилъ кому-либо изъ насъ сдѣлать какую нибудь сотню шаговъ до бронзовыхъ дверей, чрезъ которыя назначенъ входъ въ храмъ для зрителей—не паломниковъ, и тамъ посмотрѣть, въ какихъ костюмахъ допускаются посѣтители. Оказалось, что въ настоящемъ случаѣ дѣйствительно никакихъ требованій относительно вуалей и черной одежды не предъявляется. Теперь всѣ препятствія

были устранены и оставалось только сговориться въ цѣнѣ. Поторговавшись немного, мы сошлись на пяти лирахъ (т. е. всего около двухъ рублей) за оба билета. Меньше этой цѣны котелокъ взять никакъ не соглашался, ссылаясь на то, что ему самому каждый билетъ стоитъ двѣ лиры. Когда торгъ былъ заключенъ, продавецъ отвелъ насъ на лѣво подѣ колоннаду и тамъ вручилъ, съ соблюденіемъ нѣкоторой, весьма впрочемъ незначительной, осторожности, два совершенно такихъ-же билета, какъ и тѣ, которые прежде доставлены намъ были изъ посольства, съ точнымъ обозначеніемъ, что приемъ въ Ватиканской базиликѣ, въ пятницу 27-го апрѣля въ 11^{1/2} ч. утра. Получивъ свою неожиданную покупку, мы тотчасъ-же поспѣшили къ бронзовымъ дверямъ и, по предъявленіи, безпрепятственно были допущены внутрь храма. Итакъ, собственный опытъ еще разъ краснорѣчиво доказалъ намъ, что во многихъ жизненныхъ случаяхъ очень часто ларчикъ можно открыть гораздо проще, чѣмъ это представляется на первый взглядъ. Руководясь общепринятыми свѣдѣніями, заимствуемыми изъ разныхъ описаній, путеводителей и указателей, я вполне былъ увѣренъ, что приобретение билета для присутствія на папскомъ приемѣ неизбежно связано съ нѣкоторыми затрудненіями и возможно не иначе, какъ только при содѣйствіи посольства. Теперь-же оказалось, что совершенно свободно можно добыть такой билетъ за какія ни-будь двѣ-три лиры, никому не причиняя излишняго безпокойства. Тайная торговля билетами на папскія церемоніи повидимому представляетъ собою явленіе, столь-же прочно укоренившееся и распространившееся въ Римѣ, какъ напр. и наше театральное барышничество. Просматривая какъ-то послѣ римскія газеты, я встрѣтилъ перепечатанное изъ „Osservatore Romano“ официальное подтвержденіе, что билеты на папскіе приемы паломниковъ выдаются исключительно въ ватиканѣ установленною на то властію и непременно даромъ (*assolutamente gratuiti*), при чемъ паломники и туристы предупреждаются противъ какихъ-либо попытокъ сдѣлать эти билеты предметомъ торговли. Тѣ-же газеты сообщали, что двадцатаго апрѣля, при папскомъ приемѣ въ храмѣ Св. Петра, на площади колоннады арестованы были два барышника, торговавшіе билетами. Подобныя сообщенія ясно показываютъ, что торговля эта не есть какая-либо рѣд-

кая случайность, но имѣеть, очевидно, характеръ постоянного промысла, развившагося до значительныхъ размѣровъ. Очень можетъ быть, что сами ватиканскіе чиновники въ этомъ случаѣ не безъ грѣха, снабжая билетами барышниковъ за надлежащее вознагражденіе. Невольно наводитъ на это предположеніе самая обстановка торговли, когда продавцы толкуются у всѣхъ на виду и лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ цѣпи жандармовъ, не обнаруживаютъ никакого страха или особенной осторожности и громко ведутъ свои переговоры съ покупателями, не стѣсняясь даже присутствіемъ случайно-проходящихъ свидѣтелей, какими были напр. при нашихъ переговорахъ англичанинъ съ дамою, заинтересовавшіеся нашей бесѣдой и охотно послѣдовавшіе соблазнительному примѣру. Самъ барышникъ, очевидно, не очень считалъ нужнымъ скрывать свои особенныя отношенія къ папской канцеляріи, когда откровенно заявлялъ, что ему самому каждый билетъ стоитъ двѣ лиры. Безъ сомнѣнія, ему приходится изъ своихъ барышей удѣлять львиную долю кому-то выше, кто снабжаетъ его контрабанднымъ товаромъ.

Вотъ мы и въ храмѣ. Шумить и бродить здѣсь, тѣснится и волнуется, говорить на разныхъ языкахъ большая и въ высшей степени разнообразная толпа. Около шести тысячъ здѣсь однихъ паломниковъ, для которыхъ назначенъ пріемъ, да, конечно, еще бѣльшее количество постороннихъ зрителей. Однако при грандіозныхъ размѣрахъ храма никакой тѣсноты въ немъ нѣтъ, а отдаленныя отъ средины боковыя и заднія части остаются совсѣмъ пустыми. Отъ папскаго алтаря до капеллы Св. Таинъ, помѣщающейся въ задней половинѣ храма на сѣверной сторонѣ, тянется широкая, выгороженная въ народѣ, дорога, предназначенная для процессіи и охраняемая швейцарскими гвардейцами. Ближайшее къ алтарю пространство, съ обѣихъ боковыхъ сторонъ его, наполнено паломниками-простецами, а въ передней части храма, между папскимъ алтаремъ и алтаремъ кафедры, отведены мѣста для паломниковъ избранныхъ и зрителей почетныхъ. Красивою разноцвѣтною шеренгой выстроились здѣсь расшитыя и разрисованныя знамена разныхъ паломническихъ партій, во главѣ которыхъ красуется изящная хоругвь Флоренціи съ гербомъ-

лилей на нѣжной лазури фона. Толпятся епископы и прелаты, прибывшіе въ Римъ въ качествѣ руководителей благочестиваго путешествія своихъ пасомыхъ, а подлѣ нихъ и знатные міряне, сановники, богачи и аристократы. Видны тутъ и монсиньеръ Мистранджело, архіеп. Флорентійскій, и монсиньеръ Джустини, еп. Лоретскій, и еще нѣсколько епископовъ, аббатовъ и священниковъ, а также графиня Строщи, маркизь и маркиза Джерини, маркиза Гасконн, графиня Адорни и многіе другіе представители итальянской аристократіи, главнымъ образомъ флорентійской, такъ какъ это былъ приемъ паломниковъ изъ Флоренціи и Понтремоли. На особыхъ почетныхъ мѣстахъ по правую сторону папскаго алтаря помѣщаются графиня Матильда ди-Трани, урожденная герцогиня Баварская, со своею свитой, австрійскій посланникъ при папскомъ дворѣ, графъ Саландра, и Мг. Низаръ, посланникъ франціи. Толпа паломниковъ отдѣлена отъ постороннихъ зрителей временнымъ переноснымъ барьеромъ; но это огражденіе строго охранялось только при началѣ церемоніи, а потому позднѣе, во второй ея половинѣ, мы свободно проникли за барьеръ и смѣшались съ паломниками, такъ какъ мнѣ въ особенности интересно было сдѣлать наблюденія надъ поведеніемъ и настроеніемъ этой массы вѣрующихъ католиковъ, когда она созерцаетъ своего „земнаго бога“, поклоняется ему и принимаетъ его благословеніе.

Капелла Св. Тайнъ соединяется съ ватиканомъ особымъ внутреннимъ ходомъ, по которому обычнымъ порядкомъ и принесли теперь папу на его маленькихъ носилкахъ (portantina). Здѣсь его встрѣтилъ со святою водою монсиньеръ Самминьятелли-Забарелла, латинскій патріархъ Константинополя, съ нѣсколькими членами соборнаго капитула. Преклонившись съ краткою молитвою у алтаря капеллы, папа сѣлъ на приготовленную здѣсь „sedia gestatoria“ и, поднятый на плечи седиаріями, двинулся чрезъ арку капеллы въ самый храмъ. Лишь только показался онъ предъ взорами многотысячной толпы, она тотчасъ-же встрѣтила его взрывомъ рукоплесканій, маханіемъ платковъ и шляпъ, цѣлю бурей восторженныхъ кликовъ и сопровождала такъ во все время, пока двигалась процессія къ папскому алтарю. Вся процедура приѣма ничѣмъ существеннымъ не отличалась

отъ того, что мы ранѣе видѣли въ палатѣ беатификаціи. Столь-же скромный видъ и составъ процессіи; та-же восторженно-шумящая толпа; тѣ-же обращенія папы на ту и на другую сторону съ милой улыбкой и поднятой вверхъ благословляющей десницей; то-же краткое молебствіе съ участіемъ хора и всѣхъ присутствующихъ; тотъ-же дрожащій голосъ папы, еще болѣе слабый и почти совсѣмъ теряющійся подъ громадными сводами храма; тотъ-же особый приѣмъ избранниковъ, поочередно допускаемыхъ къ рукѣ святаго отца; то-же поднесеніе разныхъ приношеній и то-же обратное шествіе при тѣхъ-же кликахъ и рукоплесканіяхъ. Единственную новость можно было замѣтить лишь въ костюмѣ папы. Въ первый разъ мы видѣли его во всемъ бѣломъ; а теперь пелерина на немъ была изъ ярко-краснаго бархата, отороченная бѣлымъ пухомъ, и на головѣ такая-же красная бархатная скуфейка. На мой взглядъ, костюмъ этотъ, хотя и сильнѣе бьетъ въ глаза, не такъ красивъ и эффектенъ, какъ прежній, да и самъ старецъ показался мнѣ на этотъ разъ гораздо болѣе слабымъ и утомленнымъ, чѣмъ прежде, особенно при его обратномъ шествіи по храму. Очень можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ на появленіе въ громадномъ храмѣ уже не совсѣмъ хватаетъ запаса его слабыхъ силъ. Чего ему стоило взобраться по длинному ряду тѣхъ массивныхъ ступеней, которыя ведутъ на верхнюю площадку алтарнаго возвышенія?! Какія страшныя усилія замѣтно употреблялъ онъ, произнося слова благословенія, чтобы хотя сколько ни-будь быть слышнымъ окружающей толпѣ?! Не мудрено, что послѣ такого напряженія онъ, при обратной процессіи, почти совсѣмъ не улыбался, сильнѣе прежняго сгорбился и какъ-то еще больше поплѣднѣлъ и осунулся. Подъ конецъ процессіи, повидимому, ему стало ужъ совсѣмъ не по себѣ: съ опущеннымъ, потухающимъ взоромъ досталъ онъ дрожащею рукою свой платокъ и торпливо поднесъ его къ устамъ, не обращая болѣе никакого вниманія на бушующую кругомъ толпу. А толпа все шумѣла и шумѣла до послѣдней минуты, до тѣхъ поръ, пока совершенно скрылся изъ вида виновникъ ея восторговъ.

Съ особеннымъ интересомъ вмѣшался я въ эту шумную, возбужденную толпу вѣрныхъ поклонниковъ великаго старца; старался подмѣтить всѣ ихъ движенія, прислушаться къ

ихъ восклицаніямъ, всмотрѣться въ ихъ взволнованныя лица, чтобы уловить и понять то чувство, то настроеніе, которое парило въ ихъ средѣ. Начитавшись предварительно Золя, который въ своемъ „Римъ“, со свойственнымъ ему неподражаемымъ мастерствомъ, описываетъ папскія появленія предъ народомъ въ палатѣ беатификацій и въ храмѣ Св. Петра, я ожидалъ и теперь встрѣтить тотъ-же необузданный, страстный порывъ, доходящій до экстаза. Мнѣ думалось, что вотъ и сейчасъ дамы начнутъ срывать съ себя драгоценныя украшенія и кидать ихъ къ ногамъ папы; бросятся цѣловать то кресло, на которомъ сидѣлъ онъ; начнутся истерики и обмороки и озабоченные нобили понесутъ въ разныя стороны живыя трупы слишкомъ пламенныхъ поклонницъ своего земнаго бога; разразится, наконецъ, политическая демонстрація и задрожать своды храма отъ грозныхъ для итальянскаго правительства восклицаній: „Ecciva il papa re“! Да здравствуетъ папа—король! Случится, однимъ словомъ, все то, что такъ увлекательно рассказано французскимъ романистомъ. Но, увы! Ничего такого на мою долю не досталось. Благочестивыя аристократки ограничивались только тѣмъ, что, благоговѣнно преклонивъ колѣна предъ святымъ отцомъ, подносили ему свои дары, съ восторженнымъ трепетомъ лобызали по нѣскольку разъ его руку и затѣмъ скромно отходили прочь, чтобы уступить свое мѣсто другимъ. Паломники-простецы, которымъ не выпадала честь отдѣльнаго, личнаго приѣма у папы, пожирали его глазами издали и тѣснились какъ можно ближе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ должна была проходить процессія. Когда величественная фигура старца плавно двигалась надъ ихъ головами, нерѣдко слезы радости и умиленія блестяли въ ихъ восторженныхъ очахъ, изъ устъ и изъ самой глубины сердца вырывался привѣтственный кликъ, а тысячи рукъ или махали платками и шляпами, или протягивались вверхъ, держа какія-либо статуэтки, образки и четки, чтобы подставить ихъ подъ благословляющую десницу папы, хотя-бы отдаленную, и затѣмъ нести эти вещи домой, какъ святыню, для раздачи роднымъ и знакомымъ. Глубокая вѣра, умилительная, безпредѣльная преданность выражались во всемъ этомъ; но на какой-либо страстный порывъ, способный дойти до изступленія и до потери сознанія, не было

даже и намека. Не было также ни малѣйшаго признака и демонстраціи политической. Какъ я ни напрягалъ свой слухъ, какъ ни переходилъ съ мѣста на мѣсто по разнымъ группамъ паломниковъ и зрителей, стараясь уловить смыслъ ихъ восклицаній, ни разу, ни въ однихъ устахъ не удалось мнѣ подмѣтить „il papa-re“ (папа-король) кричали только: „ура!“ „evviva“! да нѣкоторые, особенно разчувствовавшись, осыпали папу разными нѣжными, ласкательными эпитетами, называя его: caro mio! alto! santo Padre! carissimo!... Что-же это значить? Неужели за какія нибудь шесть—семь лѣтъ, протекшія съ той поры, какъ наблюдалъ папу Золя, времена и настроенія такъ измѣнились? Или, быть можетъ, это простая случайность? Или фантазія художника подрисовала гораздо больше, чѣмъ сколько было въ дѣйствительности? Нѣтъ у меня такихъ твердыхъ данныхъ, чтобы могъ я съ увѣренностію отвѣтить на этотъ вопросъ; но, судя по своимъ, вывезеннымъ изъ Рима, впечатлѣніямъ, признаюсь, я всего болѣе склоненъ предположить послѣднее. Очень можетъ быть, что случались иногда на папскихъ пріемахъ и какія-либо странныя выходки и обмороки, такъ какъ въ нашъ вѣкъ нервныхъ людей и даже психопатокъ не мало. Нисколько не удивительно, если оказывалась иногда въ толпѣ паломниковъ какая-нибудь группа ярыхъ приверженцевъ утраченной папою свѣтской власти и пользовалась удобнымъ моментомъ, чтобы демонстративно выразить свои чувства и убѣжденія. Все это могло быть и навѣрное бывало; но бывало, мнѣ думается, лишь въ качествѣ частныхъ, исключительныхъ случаевъ; а увлекшійся художникъ придалъ имъ общее значеніе и скомбинировалъ въ одну широкаго размаха картину, краски которой и оказались такимъ образомъ слишкомъ сгущенными и далеко не соответствующими гораздо болѣе скромной дѣйствительности. Не только изступленіе и восторгъ, но и просто религіозное возбужденіе и даже только умиленіе и благоговѣніе предъ священной особой намѣстника Божія, я не назову господствующимъ настроеніемъ тѣхъ тысячъ шумной толпы, которая наполняла на папскихъ пріемахъ палату беатификацій и храмъ Св. Петра. Напротивъ, на большинствѣ лицъ этой толпы написано было только любопытство, только одно увлеченіе рѣдкимъ, красивымъ зрѣлищемъ, котораго, очевидно, давно

желали и наконецъ добились.—Какъ на папскихъ пріемахъ, такъ и на всѣхъ торжественныхъ службахъ святой недѣли, настроеніе римско-католической толпы вообще произвело на меня совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого я ожидалъ. Всегда я считалъ католиковъ людьми особенно благочестивыми и при своемъ прежнемъ заграничномъ путешествіи не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости этого взгляда. Отправляясь теперь въ Римъ, я имѣлъ неосторожность ожидать, что увижу здѣсь самую, такъ сказать, квинтъ-эссенцію этого католическаго благочестія. Оказалось-же далеко не то. На торжественныхъ службахъ въ главныхъ римскихъ базиликахъ меня просто поражало въ высшей степени странное поведеніе католической толпы. Она какъ будто совсѣмъ забывала о тѣхъ величественно-скорбныхъ событіяхъ страданій Христа Спасителя, воспоминаніе о которыхъ составляетъ содержаніе богослуженій, и чувствовала себя, напротивъ, совершенно по праздничному, улыбалась и болтала, какъ на какомънибудь концертѣ, или зрѣлищѣ. Ей показывали съ балконовъ святые мощи и священныя реликвіи, чтобы напоминаніемъ о страданіяхъ Господа и Его святыхъ угодниковъ возбудить въ ней покаянныя чувства; а она... совсѣмъ не падала ницъ въ благоговѣйномъ преклоненіи предъ святыней, совсѣмъ не думала сокрушаться о грѣхахъ своихъ, а только, какъ въ театрѣ, спѣшила наводить свои бинокли, чтобы разсмотрѣть чтонибудь изъ показываемыхъ ей рѣдкостей. Глава церкви молитвенно призывалъ на нее Божіе благословеніе, а она... кричала „ура!“ и аплодировала. Печальною службою тенебръ и рыдающими звуками „miserere“ церковь призывала ее очнуться отъ суетнаго забытія и вспомнить о душѣ и покаяніи; а она тутъ-же въ храмѣ, подъ тѣ-же отчаянные звуки пѣснопѣній, устроила какое-то гулянье. Въ самомъ дѣлѣ, только этимъ именемъ и можно, мнѣ кажется, назвать то, что происходило въ главныхъ римскихъ базиликахъ на службахъ тенебръ и „miserere“. Въ яркихъ разноцвѣтныхъ костюмахъ расфранченныя дамы и барышни, вмѣстѣ съ своими кавалерами, прохаживались по храму, какъ по дорожкамъ какогонибудь бульвара; толпились и собирались въ кружки, обратившись спиною къ алтарю; сидѣли на балюстрадахъ и пьедесталахъ колоннъ, не обращая никакого вниманія на то, что соверша-

лось у престола. Веселая бесѣда, шутки и громкіи смѣхъ разносились повсюду и, повидимому, никому изъ присутствующихъ это все нисколько не казалось неумѣстнымъ и предосудительнымъ. Только превосходнымъ солистамъ „*miserere*“ удавалось хотя до нѣкоторой степени водворить тишину въ этой забывшейся толпѣ; но то была тишина не пробудившагося религіознаго чувства, а тишина концертной публики, заинтересовавшейся красивымъ номеромъ программы. Неужели, думалось мнѣ, это тѣ католики, которыхъ я всегда считалъ особенно благочестивыми? Куда-же, спрашивается, дѣвалось ихъ благочестіе и неужели, въ самомъ дѣлѣ, они совсѣмъ его утратили?—Нѣтъ, притти къ такому выводу значило-бы допустить жестокою ошибку.

О религіозномъ настроеніи народа никакъ нельзя судить потому, что видишь на какихъ нибудь папскихъ приѣмахъ, торжественныхъ службахъ и церемоніяхъ. Прежде всего, самый составъ народа въ этихъ случаяхъ весьма сомнительнаго свойства. Тутъ собираются тысячи не однихъ лишь вѣрующихъ католиковъ; но, вмѣстѣ съ ними, и великое множество людей, къ римской церкви не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія,—мало того, даже прямо ей враждебныхъ, напр: протестантовъ, представителей всевозможныхъ, иногда далеко уклоняющихся отъ христіанства, сектъ и даже людей совсѣмъ невѣрующихъ. Въ качествѣ туристовъ, они являются въ римскіе храмы и присутствуютъ при богослуженіяхъ вовсе не для молитвы, а только для того чтобы посмотрѣть достопримѣчательности, послушать музыку и пѣніе и полюбоваться эффектными зрѣлищами церемоніи. Къ святынямъ и обрядамъ папскаго Рима они не только не чувствуютъ никакого благоговѣнія, но даже относятся съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, какъ къ идолопоклонству и суевѣрію. Только общечеловѣческая благовоспитанность можетъ заставить ихъ вести себя въ римскомъ храмѣ за службою такъ, какъ того требуетъ святость мѣста; но если этой благовоспитанности не хватаетъ, что, къ сожалѣнію, случается очень часто, то безцеремонные туристы и прогуливаются, и болтаютъ, и смѣются здѣсь, какъ на бульварѣ. Этого пришлаго международнаго элемента въ Римѣ, въ его главныхъ храмахъ и на его торжественныхъ службахъ, всегда громадное количество, особенно въ такія исключительныя

времена, какъ пасха юбилейнаго года; а потому по толпѣ такого состава о религіозномъ настроеніи истинно-вѣрующихъ католиковъ дѣлать заключеній нельзя.

Что касается настоящихъ католиковъ, вѣрныхъ чадъ папы, то и ихъ благочестіе нужно, конечно, наблюдать не на торжественныхъ церемоніяхъ. Развѣ можно напр: составить себѣ правильное понятіе о религіозномъ настроеніи нашего русскаго народа по той пестрой и беспорядочной толпѣ, которая сопровождаетъ крестный ходъ, толкается въ галлереяхъ храма Христа-Спасителя, стоитъ задомъ къ алтарю при совершеніи вѣнчанія, вслухъ обсуждая сравнительныя достоинства жениха и невѣсты, или стекается на храмовые праздники и архіерейскія служенія, чтобы послушать пѣвчихъ и усладиться протодіакономъ?! То-же самое и у католиковъ. Красота обстановки и пышность церемоній далеко не всегда особенно благопріятствуютъ возвышенію религіознаго чувства; но очень часто, напротивъ, только развлекаютъ вниманіе молящихся и толпа, всегда и вездѣ остающаяся толпою, начинаетъ обнаруживать не благочестіе, а только любопытство и суетность. Конечно, и въ этой шумной массѣ любопытствующихъ всегда найдется не мало людей, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ благоговѣнія къ тому мѣсту и къ тѣмъ священнодѣйствіямъ, среди которыхъ они находятся; но скромныя проявленія этого чувства не такъ бьютъ въ глаза наблюдателя, чтобы составить господствующій тонъ развертывающейся предъ его взоромъ картины. Вотъ почему тотъ, кто хочетъ наблюдать религіозное настроеніе вѣрующихъ католиковъ, долженъ смотрѣть на нихъ не въ сумятицѣ какихъ-либо исключительныхъ торжествъ и церемоній, а тамъ, гдѣ, при благопріятной обстановкѣ, оно можетъ проявляться и проявляется совершенно свободно, безъ всякихъ препятствій и соблазновъ. Только тогда должнымъ образомъ поймешь и оцѣнишь всю глубину католическаго благочестія, когда полюбуешься напр. на покаянную процессію великаго пятка, гдѣ первые аристократы столицы, разные князья и графы, съ трогательнымъ умиленіемъ шествуютъ по храму съ крестами и свѣчами, сокрушаясь о грѣхахъ своихъ и сливаясь устами и сердцемъ въ одномъ единодушномъ плачѣ и ѣснопѣнія; когда смотришь на сотни и тысячи паломниковъ, единѣми усты и единѣми

сердцемъ возносящихъ Богу свои прошенія и благоговѣнно преклоняющихся предъ алтарями при молитвенныхъ посѣщеніяхъ базиликъ; когда съ какимъ-то невольнымъ замираніемъ сердца слѣдишь, какъ люди всевозможныхъ званій и состояній, часто неизмѣримо-далеко отстоящіе другъ отъ друга по условіямъ жизни, здѣсь, тѣсно сомкнувшись, объединенные лишь непоколебимою силою вѣры, всползаютъ по мраморнымъ ступенямъ di santa scala и сосредоточенно шепчутъ свои молитвы; когдаходишь въ простой приходскій храмъ и видишь, какъ въ глубокой тишинѣ стоятъ люди на колѣнахъ здѣсь и тамъ, предъ сепулькрами или конфессіоналомъ, всецѣло погруженные въ самихъ себя, въ молитвенное созерцаніе страданій распятаго Господа, или въ трепетномъ ожиданіи предстоящей святыни таинства. Только при созерцаніи этихъ и другихъ подобныхъ имъ явленій должнымъ образомъ оцѣнишь католическое благочестіе и поймешь, что церковь Рима, при всѣхъ ея недостаткахъ и слабостяхъ, есть всетаки сила.... и сила великая.

При всемъ разнообразіи, величій и красотъ тѣхъ религіозныхъ впечатлѣній, которыя переполняли всѣ дни моего пребыванія въ Римѣ, православное русское сердце всетаки не находило себѣ въ нихъ полнаго удовлетворенія и стремилось хотя немножко помолиться по своему и въ средѣ своихъ. На мое счастье римско-католическая пасха въ этотъ годъ приходилась только на одну недѣлю ранѣе православной, а потому я имѣлъ возможность въ томъ-же Римѣ слышать наше православное богослуженіе за литургіями преждеосвященныхъ даровъ, за всемогущими бдѣніями вербнаго воскресенія, великаго четверга и великой субботы, а также за утреней и литургіей свѣтлаго дня. Маленькая домовая церковь при русскомъ посольствѣ очень изящна и красива, хотя, конечно, не блеститъ богатствомъ нашихъ столичныхъ храмовъ. Благоговѣнное, выразительное и благолѣпное служеніе о. архимандрита Климента и всего церковнаго причта сопровождается стройнымъ пѣніемъ не большаго хора подъ управленіемъ псаломщика, кандидата нашей академіи, Вл. А. Абрютина. Хоръ этотъ составленъ изъ итальянцевъ, совершенно незнакомыхъ съ языкомъ нашего богослуженія, а потому молодому регенту стоитъ весьма не малаго труда обучать своихъ пѣвцовъ и писать имъ ноты для каждаго „Гос-

поди помилуй!“ и „аминь“, изощряясь въ изложеніи славянскихъ словъ церковныхъ пѣснопѣній буквами итальянскаго алфавита. При всемъ томъ, хоръ поетъ стройно и красиво, съ достоинствомъ преодолевая трудности исполненія такихъ превосходныхъ композицій, какъ напр. тріо „да исправится молитва моя“, „чертогъ Твой“, „Тебе одѣющагося“, канонъ „волною морскою“ и т. под. Исполненіе въ большинствѣ случаевъ такъ удачно, что только по неизбѣжнымъ особенностямъ въ произношеніи славянскихъ словъ можно догадаться, что поютъ иностранцы. Русскихъ людей, живущихъ или проѣздомъ бывающихъ въ Римѣ, повидимому, не мало, а потому маленькая посольская церковь при торжественныхъ богослуженіяхъ страстной недѣли была почти всегда полна богомольцами, особенно-же въ свѣтлый день, когда молящіеся собрались въ такомъ количествѣ, что переполнили не только церковь, но и прилегающіе къ ней корридоры. Особенную торжественность православному празднику придавало на этотъ разъ присутствіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Князей Михаила Николаевича и Георгія Михайловича, которые приобщались здѣсь Св. Таинъ и затѣмъ принимали участіе въ крестныхъ ходахъ съ плащаницею и за утреней свѣтлаго дня, а къ этому дню изволила прибыть еще Ея Имп. Высочество, Великая Княгиня Анастасія Михайловна. Какое-то особенно-сладкое чувство радости возбуждалъ въ душѣ этотъ свѣтлый праздникъ, хотя и на далекой чужбинѣ, но въ большой родной семьѣ соотечественниковъ, въ дорогой русскому сердцу благолѣпной обстановкѣ православнаго храма, при блескѣ сотенъ огней и сіяющихъ золотомъ облаченіи, въ клубахъ ошима камина, подъ умиленные звуки торжественныхъ воскресныхъ пѣснопѣній, когда въ окружающей нарядной толпѣ чувствуешь все своихъ русскихъ людей, видишь наши братскіе, пасхальные поцѣлуй и слышишь радостныя восклицанія „Христось воскресе!“, вельдъ за которыми шумитъ и переливается оживленная русская рѣчь взаимныхъ привѣтствій и благожеланій. Особенно сердечный характеръ получаетъ нашъ свѣтлый день въ Римѣ, благодаря чисто-русскому гостепріимному обычаю Россійскаго посланника при итальянскомъ королевскомъ дворѣ А. И. Нелидова приглашать послѣ литургіи къ себѣ на розговѣнье всѣхъ присут-

ствующихъ въ храмѣ, лично извѣстныхъ ему русскихъ людей. На этотъ разъ въ изящно убранныхъ и блестяще освѣщенныхъ парадныхъ аппаратахъ посольства, въ присутствіи Великихъ Князей, собралось человекъ до двухсотъ разнообразнаго общества, которое, при любезномъ вниманіи уважаемаго хозяина и его семейства, расположилось въ оживленной бесѣдѣ за красиво-сервированными столами, гдѣ русскому взору особенно пріятно было видѣть свои родныя куличи, пасхи и красныя яйца. Въ нѣсколько недѣль своего путешествія я, конечно, еще не успѣлъ соскучиться по родинѣ, но и на меня въ этотъ праздникъ повѣяло чѣмъ-то роднымъ и отраднымъ. Что-же должны перечувствовать при этомъ тѣ, которыхъ судьба забросила на чужбину на цѣлыя годы?! Мнѣ думается, что для нихъ, если только они не перестали быть русскими, эти немногіе часы пребыванія въ православномъ храмѣ и въ кругу соотечественниковъ являются источникомъ самой высокой, освѣжающей и укрѣпляющей радости. Въ томъ и великое значеніе православнаго храма за границей, что стоитъ онъ тамъ, какъ тихая пристань на океанскомъ островѣ, центромъ единенія, прибѣжищемъ и утѣшеніемъ для всѣхъ русскихъ людей, разбросанныхъ по разнымъ краямъ чужаго для нихъ міра. И, по милости Божіей, растутъ и множатся въ послѣднее время на инославномъ западѣ наши русскіе храмы, часто и по внѣшности своей настолько прекрасныя и величественныя, что съ честью могутъ служить представителями нашей Святой и Великой Православной Церкви. Однако, что касается Рима, то предъ нимъ въ этомъ отношеніи русскіе люди пока еще въ большомъ долгу. Въ самомъ дѣлѣ, если гдѣ, то именно здѣсь, — въ центрѣ латинства и папства, подлѣ здѣшнихъ грандіозныхъ базиликъ, православная русская церковь должна, безъ сомнѣнія, имѣть такой храмъ, который соотвѣтствовалъ-бы ея достоинству, чего, конечно, никакъ нельзя сказать о маленькой домовой церкви посольства. Мысль о построеціи въ Римѣ настоящаго, благолѣпнаго русскаго храма давно уже заботитъ о. архимандрита Климента и, по его внушенію, нѣкоторые изъ богатыхъ русскихъ аристократовъ, по долгу живущихъ въ итальянской столицѣ и имѣющихъ здѣсь свои роскошныя виллы, изъявили желаніе пожертвовать съ своей стороны крупныя суммы на святое

дѣло. О. Климентъ намѣтилъ уже и мѣсто для предполагаемаго храма въ одной изъ лучшихъ частей города, но такъ какъ покупка этого мѣста и расходы по постройкѣ требовали весьма значительныхъ денежныхъ средствъ, то онъ собирался предпринять специальную поѣздку въ Россію и главнымъ образомъ въ близко знакомую ему по прежней его службѣ Москву, чтобы возбудить къ своему предпріятію усердіе благотворителей. Впослѣдствіи мнѣ приходилось слышать, что эта поѣздка уже состоялась и я увѣренъ, что наша первопрестольная столица, давно уже прославившаяся своею щедростію на благія дѣла, сдумѣла и въ настоящемъ случаѣ вполне оправдать возлагавшіяся на нее надежды. Дай Богъ, чтобы поскорѣе наступилъ тотъ радостный день, когда и въ папской столицѣ, подъ горячими лучами южнаго солнца Италіи, заблестятъ св. кресты на золоченыхъ главахъ православнаго русскаго храма, а помолиться въ немъ, быть можетъ, еще приведетъ Господь и намъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей Рима всякій путеводитель укажетъ Вамъ, не далеко отъ Корсо и Piazza Colonna, фонтанъ ді Trevi,—изъ всѣхъ римскихъ фонтановъ наиболѣе величественный по размѣрамъ и по количеству падающей въ немъ воды и богато украшенный многими статуями, съ Нептуномъ во главѣ. У римлянъ существуетъ повѣрье, что кто, уѣзжая изъ города, побываетъ у этого фонтана и выпьетъ воды изъ него, тотъ вполне можетъ быть увѣренъ, что ему непременно придется пріѣхать въ Римъ и еще разъ. Довѣряя этой примѣтѣ, многіе изъ путешественниковъ, очарованные богатствомъ и разнообразіемъ римскихъ впечатлѣній и вынуждаемые обстоятельствами покинуть столь привлекательный для нихъ городъ, обязательно идутъ предъ отъѣздомъ къ фонтану ді Trevi, чтобы утѣшиться надеждою на вторичный пріѣздъ. Я предъ своимъ отъѣздомъ къ фонтану ді Trevi не ходилъ; но тѣмъ не менѣе счелъ бы для себя за особенное счастье, если бы когда нибудь Господь привелъ мнѣ еще разъ совершить поѣздку въ Римъ, чтобы какъ можно ближе и основательнѣе познакомиться съ тѣми явленіями его жизни, которыя теперь, по необходимости, наблюдалъ лишь поверхностно и торопливо.

В. Соколовъ.